

Владимир Горбань

ОТВЕТСТВЕННОЕ
защитные

По заданию руководства США и лично президента в условиях разразившегося мирового экономического кризиса известная американская журналистка Дайана Роуз отправляется в Россию с целью выведать, что такое русский пофигизм. В Российской глубинке с ней происходят невероятные по накалу страстей события, в отдаленной провинции она встречается с весьма неординарными людьми. Главные события разворачиваются в деревне Большая Лоботрясовка, славящаяся отчаянным своим пофигизмом...

Владимир Горбань

Ответственное задание

Остросюжетная повесть

Несколько слов не для протокола

Владимира Горбаня я знаю недолго, но хорошо...

Могу поспорить на ящик водки, что он пока еще не привлекался к уголовной ответственности, законов Российской Федерации при мне не нарушал, в связях его порочащих, мною не замечен, в митингах протестов на моих глазах участия не принимал, бочку на партию и правительство не катил. Поэтому, за отсутствием улик, находится пока на свободе.

Примерно раз в сутки, ближе к вечеру мы с Владимиром минут по тридцать курим на лавочке у подъезда, в котором оба живем. И Владимир иногда рассказывает мне забавные случаи. Я не большой любитель читать что — то другое, кроме протоколов следствия, но слушать хороших рассказчиков мне доставляет немалое удовольствие.

Так вот, недавно Владимир рассказал мне смешную историю про приключения американской журналистки в российской глубинке. Эта мадам, имя которой я не запомнил, получила от своего

редактора ответственное задание выяснить, что такое наш русский пофигизм, который помогает нам, россиянам, преодолевать любые трудности и невзгоды.

Эта журналистка по прилету из Америки встретила в областном центре с нашим российским журналистом, очень прикольным и регулярно пьющим товарищем. Этот наш товарищ, его имя, отчество и фамилию я тоже не запомнил, получил от своего руководства тоже ответственное задание — сопровождать американку в нужном направлении и следить за ней со всех сторон и предельно внимательно.

Уже на месте, в российской глубинке к ним присоединяется еще один журналист из местных. Этого кадра я знаю хорошо, мы с ним много раз вместе выпивали. Зовут его Серега, фамилию запомнил, то ли Хмурым его кличут, то ли Сердитым. Но я готов поспорить на два ящика водки, Серега вполне наш человек и пьет только в меру, то есть накануне праздников, во время праздников и немножко после праздников и других красных дней календаря. Так вот этот Сергей в свою очередь от своего начальства тоже получает весьма ответственное задание.

Короче говоря, все эти журналисты слегка чокнутые люди, хотя и представляют собой в глазах некоторых узкий слой творческой интеллигенции с

высшим образованием. Они поперлись в Большую Лоботрясовку! Это такая, убитая Богом и властью деревня в сорока двух километрах от нашего славного городка. А по дороге и уже в самой Большой Лоботрясовке с ними случилось столько остросюжетных приключений, что их хватит на несколько громких гражданских и даже уголовных дел.

На днях Владимир по большому секрету сообщил мне, что его повесть будет опубликована в каком — то издательстве. Надо будет найти и внимательно с карандашом в руке почитать это произведение и навести справки о самом издательстве. Чует мое сердце, что там найдется то, на что следует по настоящему обратить внимание следственным органам, что надо потом будет возбудить и дать ход этому громкому делу по полной программе!

*С уважением, сосед Владимира
Горбаня по подъезду, старший
следователь по особо важным делам
при Окуневском районном отделе
внутренних дел, майор полиции*

**Забиякин Вячеслав
Анатольевич.**

Пролог

В Вашингтоне (США, округ Колумбия) в один из воскресных дней в Овальном кабинете Белого дома (Пенсильвания — авеню, 1600) из угла в угол нервно расхаживал высокий худощавый человек в костюме темно — кремового цвета и строгого английского покроя. Он третьи сутки напряженно думал о неминуемо надвигавшемся мировом экономическом кризисе, пережить который будет нелегко. Через неделю ему предстояло выступить в Конгрессе с конкретными предложениями по принятию мер...

Овальный кабинет находится в западном крыле Белого дома, имеет три больших окна, выходящих на юг и четыре двери. Восточная дверь открывается в Розовый сад, западная в небольшой частный кабинет и столовую, северо — западная — в коридор Западного крыла, северо — восточная — в кабинет секретаря президента. Рабочий стол главы государства расположен перед южными окнами. С северной стороны расположен камин.

Построен Овальный кабинет в 1909 году, большой диаметр его равен 10, 9 метра, малый — 8, 8 метра, высота потолка 5, 6 метра.

Высокий худощавый человек подошел к окну, распахнул тяжелую штору и увидел по ту сторону стекла маленького рыжего котенка, который

беззаботно водил лапкой по своей хитрой мордочке. Перед этим он явно хорошо покушал. Котенок был беззаботен и счастлив.

Президент из внутреннего кармана пиджака достал скромненький сотовый телефон, удачно купленный им в прошлом году на рождественской распродаже в Хельсинки, вызвал номер и пару минут терпеливо выслушал долгие гудки.

— Алло, Майкл?! — обрадовался президент, наконец — то трубку взяли. И взял ее Майкл Стоун, известный журналист, политолог и по совместительству коварный обольститель женщин. — Ты где сейчас, дружище?!

— А что случилось?

В трубке раздавались непонятный шум и громкие, явно пьяные женские голоса.

— Я в космосе! — рассмеялся Майкл.

— Где?!

— В «Космосе»! Это такой веселенький бар в Чикаго.

— Майкл, дружище, ты можешь прямо сейчас ко мне приехать?

— Куда?

— В Белый дом.

— Зачем, дружище?

— Сыграем в гольф! А заодно обсудим одно очень важное дельце!

— Окей, дружище! Сейчас я закажу такси. А

ты пока разжигай дрова в камине...

Глава I

«В колхозе «Трудовой» ударными темпами идет подготовка техники к весенним полевым работам. Отремонтировано восемь хомутов, три лопаты, пара оглоблей, две сохи, грабли, вилы, мотыга, коровье седло и борона. Быком — производителем покрыто более пяти коров.

В деревне Большая Лоботрясовка жители активно готовятся к встрече полного лунного затмения...»

Сергей Хмурый.

Газета «Ковыльный край», 1 марта 2007 г.

Деревня Большая Лоботрясовка, растянувшаяся тремя кривыми улицами вдоль правого берега мелководной речки Малая Шмакодявка, давно уже потеряла свою былую славу. Но старожилы помнят, что раньше это была огромная деревня, и народу в ней проживало видимо — невидимо. Одних только пацанов в год

рождались больше трех дюжин.

Окрестные жители места эти считали бедовыми. Невероятные события порой случались в Большой Лоботрясовке. То посреди знойного лета выпадал снег по пояс. В соседних деревнях липы зацветали, сенокосная пора стояла в самом разгаре, а лоботрясовские пацанята с ледяных горок целую неделю на школьных портфелях катались, смеясь и радостно улюлюкая. То в начале зимы разражалась такая жара, что в двух местах чуть было до дна не пересохла Малая Шмакодьявка. В местной школе по решению педагогического совета даже объявили летние каникулы. А комбайнеры, трактористы и шофера прятались по чужим баням, дабы их раньше времени не мобилизовали на уборочные работы.

Если над огромным Приволжским краем пролетал высоко в небе метеорит, то обязательно от него откалывался большущий кусок, который по замысловатой траектории с оглушительным грохотом приземлялся в Большой Лоботрясовке. И непременно этот кусок небесного тела пробивал крышу дома местного участкового милиционера, который, так всегда совпадало, в этот день варил самогон. И от самогонного аппарата, разбитого метеоритом вдребезги, оставались лишь отравляющие душу воспоминания.

Однажды рядом с заброшенным колодцем забил фонтан чистой родниковой воды. И за три

месяца на том месте образовалась такая огромная лужа, что по берегам ее зашумел камыш, в котором стали селиться цапли и прочая болотная дичь. Пока местная власть, десятилетиями решавшая в деревне проблему питьевой воды, чесала свои кучерявые затылки, лоботрясовские пацанята разобрали школьный забор, из штакетника соорудили плот и, плавая от берега к берегу под пиратским флагом, наводили ужас на богомольных старушек. Потом кто — то где — то перекрыл какой — то вентиль, и лужа стала мельчать. Тогда лоботрясовские пацанята из крикливых флибустьеров в один день превратились в еще более крикливых индейцев и поселились в бывшем колхозном саду, где мигом понастроили себе вигвамов и разорили все сорочьи гнезда.

Так продолжалось из года в год. То одно, то другое отчебучится. Даже в столице каким-то непонятным образом прознали про лоботрясовский феномен. Из Академии наук приехали яйцеголовые ученые, привезли два фургона современного сверхчувствительного оборудования. Понатыкали в землю электродов, укрепили на крышах домов различные антенны и локаторы, запустили в небо зонды. Неделю трудились, не покладая рук, выстраивая различные гипотезы. Ладони белые измозолили, перетаскивая тяжеленную аппаратуру с одного пригорка на другой, плешивые головы

изломали. Но не помогли умные японские приборы российским ученым. Радиационный фон, напряженность магнитного поля, уровень гравитации, составы воздуха, воды и почвы не отличались от общепринятых стандартов. Умаявшись исследованиями, профессора погрузили в фуры свое драгоценное оборудование, злостно при этом, ругаясь по — латыни, откланялись и, под радостное улюлюканье, кривляние лиц и свист щербатых лоботрясовских пацанят, укатили восвояси.

Но едва академики добрались до своих фундаментальных лабораторий, едва они расселись по своим тихим кабинетам за компьютерами и приступили к сочинительству пухлых отчетов, в Большой Лоботрясовке случился очередной природный катаклизм. Куры, раньше с удивительным упорством не желавшие нести яйца, вдруг как по команде понесли. По пять — десять яиц в сутки давала каждая несушка. Правда, яйца эти были мелкие, серенькие и в крапинку. И уж очень они напоминали сорочиный приплод...

Впрочем, вряд ли в этом стоило усматривать происки природы. Природа — мать сама частенько не в силах противостоять проискам человека...

Глава II

— Хочу особо отметить, — сказал глава районной администрации Иван Кривцов, — что в Большой Лоботрясовке жители активно приступили к восстановлению заброшенного колхозного сада. На средства районного бюджета посажено три дерева и одна слива. Первый урожай яблок, груш и черешни намечено получить уже осенью нынешнего года. В дальнейшем...»

Сергей Хмурый.

Газета «Ковыльный край», 3 марта, 2007 года.

Название любого населенного пункта имеет свою историческую судьбу, зачастую обросшую легендами и мифами. Есть своя богатая история и у Большой Лоботрясовки. И хотя многие уважаемые историки — краеведы ее рьяно отрицают, старожилы-то все помнят...

В самом начале XX века, весьма небезызвестный губернатор, ставший впоследствии министром внутренних дел и главой правительства при последнем российском императоре, решил, что ему для реализации грандиозных экономических реформ крайне противодействует определенная

часть населения с чуждым для любых рациональных преобразований менталитетом. И губернатор издал смелый циркуляр, согласно которому все проживающие в его вотчине балаболы, баламуты, балбесы, болда — иванычи, бездельники, бракоделы, бестолочи, галахи, дармоеды, захребетники, иждивенцы, лежебоки, лентяи, лоботрясы, лодыри, мироеды, нахлебники, оглоеды, попрошайки, прихлебатели, пустомели, пустобрехи, разгильдяи, раздолбаи, ротозеи, симулянты, спиногрызы, трутни, тунеядцы, халтурщики, халявщики, христопродавцы, шалопаи, шаромыги, членовредители и прочие представители беспутного населения в течение 24 часов со всеми своими семействами и скарбом переселялись в отдельное отдаленное место с глаз долой.

Конечно, будь губернатор человеком более жестким по своей натуре, не обладай он европейской широтой ума, университетским образованием и передовыми на то время взглядами на жизнь, он просто отдал бы приказ пустить всех этих представителей нетрудового народа в расход. Но губернатору мешала также врожденная интеллигентность жены и дочерей, смотревших косо на любое крайнее насилие и он, положив под язык большую таблетку валидола, вызвал не главного жандарма, а braveго есаула — начальника

своей охраны. И вручил ему циркуляр, опустив при этом долу черные свои очи, полные соленых дворянских слез. Есаул высшего образования не имел, был воспитан в строгости двоюродным дедом в станице Луковской, потому сантиментов не признавал. Он тут же поднял по приказу три казачьих сотни, и чубатые станичники рьяно принялись за дело. Казаки умели лихо закручивать не только усы, но и любое порученное им дело. Уже к вечеру из губернского града Приволжска выдвинулись обозы с первыми спецпереселенцами. Они направлялись в сторону Окунева, в одно из дремучих мест, имевшихся тогда в изобилии в окрестностях этой небольшой железнодорожной станции Рязанско — Уральской железной дороги. А еще две партии самых отпетых лентяев и лоботрясов, не имевших вовсе никакого имущества, погрузили, в теплушки и отправили туда же.

Однако вскоре выяснилось, граждан, подлежащих депортации, в губернии насчитывалось столько, что отселив всех, губернатор с реформаторской душой лишился больше половины подданных. Действие циркуляра пришлось срочно отменить. Но лихие казаки все же успели очистить губернию от самых отъявленных лоботрясов.

По замыслу губернатора все эти бездельники должны были либо перевоспитаться ударным

трудом, либо сгинуть от голода и прочих жизненных невзгод. Но проследить ему за своим экспериментом не удалось. Он вскоре ушел на повышение по службе в Санкт — Петербург и принялся вершить грандиозные экономические реформы уже во всероссийском масштабе.

Переселенцы же не пожелали сгинуть от голода и прочих жизненных невзгод. И трудом перевоспитываться тоже не посчитали нужным. Они обосновали деревню, которую окрестные жители прозвали Большой Лоботрясовкой. Лоботрясовцы особенно трудами праведными себя не напрягали, жили как бы по щучьему велению. И что интересно, судьба всегда им благоволила и помогала в трудную минуту.

В советские времена лоботрясовцы создали колхоз «Путь к коммунизму», который во все годы своего существования был самым отстающим во всей огромной стране по всем трудовым показателям. А наступили новые времена, и колхозники распрощались с коллективным хозяйством не только без особого сожаления, но и с некоторой радостью. Им — то к любимым переменам было не привыкать...

Глава III

«Умом Россию не
понять,
Аршином общим не
измерить:
У ней особенная
статья —
В Россию можно
только верить»

**Федор Тютчев, 28
ноября 1866 г.**

Майкл Стоун, главный редактор газеты «Нью — Йорк Таймс» застрял в вечерней автомобильной пробке в центре Нью-Йорка. И в голову ему неожиданно постучалась гениальная мысль. Он достал из нагрудного кармана своего дорогого пиджака дорогой сотовый телефон и набрал номер:

— Привет, Дайана, — произнес Майкл смущенным голосом, — ты сейчас где, дорогая?

В трубке раздавались непонятный шум и громкие, явно пьяные мужские голоса.

— Я в Слайго.

— Где?

— В Слайго. Это город такой в Ирландии.

— Это далеко от Дублина?

— Шеф, Ирландия не Америка, тут все рядом!

— Что ты там делаешь? — испугался

Майкл. — Который у вас там час? И что это за пьяные голоса рядом? Ты в порядке?

— Я в пабе. У нас уже глубокая ночь. Я в полном порядке, шеф, пью пиво «Гиннесс» и смотрю с мужиками футбол! Здесь отличное место, Атлантический океан в нескольких шагах от паба. Утром буду осваивать серфинг. У нас тут очень весело, шеф! Я прекрасно провожу свой отпуск!

— Какой отпуск, черт побери!

— Тот, что вы мне сами навязали на прошлой неделе. Когда попросили, чтобы я на время исчезла с ваших глаз долой и не донимала своими дурацкими статьями о Дмитрие Донском и Куликовской битве.

Майкл Стоун вспомнил этот забавный разговор и улыбнулся, сверкая рядами ровных белых керамических зубов.

— Что случилось, шеф? — рассмеялась Дайана. — Вы уже по мне соскучились?

Главный редактор на мгновение задумался и произнес серьезным голосом:

— У меня неожиданно возникло для вас интересное и ответственное задание. Очень ответственное!

— Для меня? Откуда такое доверие, шеф?

Майкл Стоун вновь улыбнулся и ответил своим приятным баритоном, легко обольщающим хрупкие женские сердца:

— Просто у меня нет другой такой авантюристки, Дайана, как вы. Тем более, это ответственное задание связано с Россией.

— С Россией?

— Да. Вы же знаете русский язык, и, судя по вашей анкете, кто — то из ваших далеких предков был эмигрантом из этой страны.

— А у вас, на мое удивление, весьма хорошая память, шеф! Мой прапрапрапрапрапрапрапра...дедушка был личным секретарем русского князя Дмитрия Донского. Потом они с ним что — то не поделили, кажется, женщину и князь хотел отрубить ему голову, но мой предок быстренько сообразил и эмигрировал в Америку.

— В Америку?

— Да, в Америку.

Майкл Стоун опешил. Он был историком по образованию и хорошо запоминал исторические даты.

— Дайана, такого не могло быть. Дмитрий Донской умер в 1389 году. А Христофор Колумб открыл Америку в 1492, спустя сто с лишним лет!

— Не смешите мои коленки, шеф! — серьезным голосом произнесла Дайана. — Америку открыл не Христофор Колумб, испанский мореплаватель итальянского происхождения, а Путята Кривой, купец из Новгорода, который в

начале X века по пути из варяг в греки слегка ошибся адресом.

Главный редактор от крайнего удивления смешно выпучил глаза. И спросил с надеждой:

— Это шутка?

— Шутка — ваш Христофор Колумб! А Путята Кривой держал в Новгороде винную лавку и торговал березовыми лаптями и дубовыми вениками по всему свету!

Дайана на мгновение замолчала, а потом радостным голосом спросила:

— Какое задание шеф? Я соскучилась по настоящей работе и срочно выезжаю в Дублинский аэропорт!

Майкл Стоун обрадовался и воскликнул:

— Я хочу знать, что такое русский пофигизм!

— Русский что?

— Русский пофигизм! Это одна из важнейших характеристик российского государства и менталитета русских, акцентирующая в определенной степени определенную иррациональность их поведения. Это важнейший элемент литературного образа «загадочной русской души». Так написано в толковом словаре. Но я не могу понять, что это на самом деле. Не могу понять, почему русские не хотят жить хорошо, сами создают себе проблемы, а ко всем своим проблемам они потом относятся именно с этим самым

пофигизмом. Видимо, это такое особенное качество души, которое помогает им выживать в любых нечеловеческих условиях. Нам, Дайана, нужно разгадать этот уникальный феномен. Этот секрет важнее секрета нейтронного оружия! В Америке начинается серьезный экономический кризис. Очень серьезный и долговременный. Его нелегко будет пережить. Без русского пофигизма.

— Хорошо, шеф, я готова немедленно приступить к выполнению этого ответственного задания! Когда мне нужно вылетать в Россию?

— Немедленно, как только получите в Российском посольстве визу!

— Считайте, что российская виза уже находится в моей косметичке, шеф!

— Дайяна, ты...

Глава IV

«В минувший вторник в международном аэропорту Приволжска приземлился белокрылый лайнер «Боинг — 747», прибывший спецрейсом из Нью — Йорка. На его борту в столицу нашей губернии прибыла известная американская журналистка, репортер газеты «Нью

— *Йорк Таймс» Дайяна Роуз.
Долгожданную гостью встретили...»*

Витольд Проныров.

**Газета «Приволжские
вести» 2 марта 2007 года .**

Леонид Исаевич Шуг, пишущий под псевдонимом Витольд Проныров, пребывал в очередном ужасе. Одна из его многочисленных гражданских жен неожиданно родила. Другой образованный и воспитанный мужчина средних лет, возможно, пришел бы в такой восторг, что завалил бы крыльцо родильного дома букетами алых роз и ящиками шампанского. Но такая необузданная радость посещает отцов, как правило, в первый раз. Редко во второй. Уникально в третий. С каждым разом отцы становятся менее впечатлительными и более прижимистыми. А после восьмого случая могут запросто попросить политического убежища.

Появление еще одного наследника не очень обрадовало Леонида Исаевича. Когда рождался очередной сын, Шуг составлял соответствующую бумагу, в которой в качестве наследства передавал права на издание какого-нибудь своего неопубликованного романа. На этот раз дело обстояло совсем худо, свободных романов под рукой не осталось. Имелось короткая наивная повестушка о жизни сотрудника уголовного

розыска, написанная еще в ранней юности. Вещица откровенно слабая, местами конъюнктурная. Было еще парочку рассказов на деревенскую тему. Да разве же это наследство!

Леонид Исаевич Шуг в свои сорок с небольшим лет был относительно мал ростом, умеренно хил телом, поверхностно лохмат, заметно носат и вдобавок небрежно усат. Он был курящим, пьющим и матерящимся журналистом и писателем. Каких — то особых примет не имел, если, конечно, накануне не перебирал сверх меры паленой водки. Но стоило ему взять в руки гитару...

Работал Шуг в отделе информации самой большой и влиятельной губернской газеты и был славен тем, что крайне редко находился на своем рабочем месте. Когда Леонид Исаевич, тогда просто Ленья, устраивался на работу в «Приволжские вести», уходящий на пенсию Самуил Львович Шмуклер вывел его в коридор покурить и дал бесплатно бесценный совет.

— Вы, Ленья, жизни не знаете, — шепотом произнес Самуил Львович. — А я, Ленья, жизнь знаю. Вот почему я, Ленья, все сорок лет работы в этой долбанной газете на хорошем счету?

— Вы пишете мастерски, — льстиво произнес Шуг.

— Это я пишу, Ленья, мастерски? Да мне, Ленья, писать совершенно некогда! У меня, Ленья,

геморрой, раз, радикулит, два, подагра, три. У меня, Ленья, врачи нашли сорок восемь известных медицине смертельных болезней и еще две практически не изученных. У меня, Ленья, шестеро детей в семи городах бывшего Советского Союза. И еще двое в Хайфе. И, возможно, эти спиногрызы тоже мои. У меня, Ленья, нет денег даже на разливное пиво по утрам! Как я могу, Ленья, мастерски писать, когда моя разлюбезная теща Сара Аркадьевна по ночам играет на скрипке произведения собственного сочинения?!

Тем не менее, Ленья, я дам вам хороший совет. Всегда будьте на рабочем месте. Ничто так не раздражает главного редактора, как отсутствие работника на рабочем месте. И никогда, Ленья, не сидите на рабочем месте. Ничто так не раздражает главного редактора, как постоянное мелькание журналиста перед глазами, который, в его понимании, должен бегать по городу в поисках информации.

— Ну и как же все это совместить? — удивился Ленья.

— Делайте как я, — усмехнулся Самуил Львович. — И вы будете всегда на хорошем счету. Учитесь, Ленья, пока Самуил Львович не выжил из ума, чего многие с нетерпением ждут! Вы обратили внимание, Ленья, что я всегда вовремя являюсь на работу?

— Да, обратил.

— Так вот, я всегда являюсь на работу с большой заплечной сумкой. В ней я ношу сменное пальто. Свое пальто я вешаю на спинку стула в кабинете и всем, однако понятно, что Самуил Львович на работе. Затем я беру сумку, спускаюсь на первый этаж, надеваю пальто и иду преспокойненько домой со спокойной душой. Разве я, Леня, при этом мозолю глаза редактору? А вечером я возвращаюсь на работу и вновь в обратном порядке проделываю весь этот фокус. И так все сорок лет, Леня! И все довольны! И каждый раз под Новый год мне таки выписывают почетную грамоту от профсоюзного комитета!

— А дома вы пишете? — наивно спросил тогда еще наивный Леня.

Шмуклер побелел лицом.

— Я понял, Леня, что вы так ничего и не поняли, — тяжело вздохнул Самуил Львович, глядя куда — то в сторону. — Ну, скажите, Леня, было бы у меня столько детей, если бы я только писал?...

Глава V

*«Она была юна как утренняя
заря, едва забрезжившая на
горизонте, свежа как майская роса,*

*покрывающая бриллиантовыми
каплями резные листья клевера на
лугу, прелестна как рожденная из
морской пены богиня. Ее длинные
белокурые волосы, расстелившиеся по
подушке, пахли спелыми яблоками, а
узкая аристократическая ладонь...»*

**Леонид Шуг. Из
неопубликованного романа
«Красавица».**

Все спортивные обозреватели приволжских газет как назло страдали каким-либо физическим дефектом. Федор Петренко, страстно писавший о баскетболе, волейболе и гандболе, был коротконог и чрезвычайно мал ростом. Из-за врожденного плоскостопия и сколиоза он криво ходил и бегал только боком. Петр Сидоров, был худ и тщедушен, как оглобля, что не мешало ему обозревать все соревнования по тяжелой атлетике, бодибилдингу, армрестлингу, греко — римской борьбе, каратэ, таэквондо, ушу, сумо и гиревому спорту. Серега Иванов, хотя и страдал с детства церебральным параличом, весьма эффективно описывал легкоатлетические состязания, особенно прыжки с шестом, а также специализировался в художественной гимнастике, синхронном плавании и фигурном катании. Астматик Сема Стеркин мучился от остеохондроза, пародонтита, полипов в

кишечнике, жуткого скрипа в суставах, сердечной недостаточности, частых запоров и неожиданных расстройств желудка в самых неподходящих местах, мигрени, перхоти и хронического алкоголизма. Однако бесконечно болезненное состояние мало мешало ему писать очаровательные футбольные и хоккейные репортажи и очерки о спортсменах — парашютистах. Сашка Колосов — спортивный обозреватель «Приволжских вестей», деливший рабочий кабинет с Шугом, специализировался исключительно в зимних видах спорта: лыжные гонки, биатлон, бобслей и соответственно страдал жутким насморком и хроническим тонзиллитом. Он также считался лучшим специалистом в вопросах моржевания и закалки организма ледяной водой, сидел при этом круглогодично на антибиотиках и менял за день по семь носовых платков.

— Ну, Светочка, ну я умоляю, давай встретимся, я очень соскучился, — кричал в трубку редакционного телефона Сашка Колосов, то и дело, шмыгая носом. Его изможденное от безответной любви и хронического гайморита лицо было чрезвычайно бледным, иссиня — черные глаза болезненно слезились.

Сашка, этот тридцатилетний брюнет, невысоким ростом и неокрепшим телосложением напоминавший отрока, уже два года тягостно

ухаживал за некоей Светочкой, студенткой консерватории. Шуг видел эту Светочку пару раз мельком. Ничего особенного. Такие девицы, как она опытными бабниками кадрятся за пятнадцать минут!

Расстроенный Сашка положил телефонную трубку на рычаги и унылым голосом произнес куда-то в пустоту:

— Бросила трубку. Шуг, ну почему она не хочет со мной дружить? Я ведь к ней со всей душой! Со всем сердцем! Я, можно сказать, люблю ее!

Леонид Исаевич сочувственно посмотрел на Колосова.

— Шуг, ну почему она бросила трубку? Почему она не желает со мной говорить?

— Потому, Саша, что у тебя нет главного мужицкого достоинства!

— Это какого же достоинства у меня нет? — обиделся Колосов.

— Ты ее в кино водил? — Леонид Исаевич хитро прищурил левый глаз.

— Водил.

— А в театр водил? — Шуг прищурил правый глаз.

— Водил.

— И в филармонию?

— Конечно.

— А в цирк?

— Само собой.

— Шуг тяжело вздохнул и перестал щурить глаза:

— А в пиво ты ей водки подмешивал?

— Что?! За кого ты ее принимаешь?!

— Что и требовалось узнать, — рассмеялся Леонид Исаевич. — Нет у тебя Колосов главного мужского достоинства. Нет у тебя харизмы! Вот посмотри на мою харю, харизмы в ней хоть отбавляй! Особенно после литра выпитого. А ты, Сашка, пьешь скучно, без куража, без философии и культуры потребления. Без изюминки пьешь. Банально бухаешь, переводишь водку в перегар! Тоскливо пьешь, как последний патологоанатом на ночном дежурстве!

Сашка было открыл рот, чтобы ответить Шугу дерзостью, но в этот момент зазвонил телефон, он подлетел к столу, резко схватил трубку и закричал:

— Света! Светочка!

Вдруг он резко осекся и обиженно передал трубку Леониду Исаевичу:

— Тебя. Какая-то иностранка, судя по акценту.

— Слушаю, — устало произнес Шуг.

— Я хотеть говорить виз мистер Шуг, — раздался мелодичный голос. — Это, есть, возможно?

- Невозможно спать на потолке!
- Что? Почему? Не понимать!
- Одеяло падает на пол...

Глава VI

«Дайяна Роуз на пресс — конференции, данной по случаю ее прибытия в наш славный город, отметила, что ей очень понравились парк у памятника великому русскому писателю — демократу, здание консерватории, музыкальный фонтан, а также радушие местных жителей, шоколадное мороженное на палочке и...»

Из выпуска вечерних новостей Приволжского телевидения 3 марта 2007 года.

— Вызывали? — Леонид Исаевич, робко переступил порог кабинета главного редактора газеты «Приволжские вести». Виктор Степанович сидел за письменным столом, заваленным бумагами. Рядом в кресле вальяжно пристроился мужчина средних лет в дорогом, хорошо подогнанном костюме. Лицо его было каменным и

холодным. Леонид Исаевич хорошо знал, что подобные лица носят бравые мужчины, стреляющие одинаково метко с обеих рук, обладатели четного пояса по каратэ и личного номера типа 007.

Ничего хорошего, это всякий сразу же поймет, такая встреча не предвещала. Виктор Степанович, руководивший главной губернской газетой еще со времен августовского путча 1991 года, был нрава крутого и его, похоже, побаивался сам губернский министр по печати, да и визит этого незнакомца по закону жанра мог сулить только большие неприятности.

— Это — Шуг, — буркнул Виктор Степанович, явно недовольный внешним видом своего подчиненного. Леонид Исаевич предпочитал носить потертые джинсы, старенький свитер — мечта комодной моли и дышащие на ладан кроссовки. К тому же он не всегда брился по утрам.

— Иванов Иван Иванович, — четко густым баритоном представился бравый мужчина и посмотрел на Шуга очень недоброжелательно, можно даже сказать — с пренебрежением.

— Мне выйти? — спросил Виктор Степанович у Ивана Ивановича.

— Оставайтесь, — разрешил тот.

Шуг стоял посреди кабинета на вялых ногах, как нашкодивший школьник, вызванный на